

Джоанна Линдсей

Джоанна
ЛИНДСЕЙ

ЛЮБОВЬ И ГРОМ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л59

Серия «Лучший любовный роман»

Johanna Lindsey
SAVAGE THUNDER

Перевод с английского *О. Косовой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *А. Орловой*

Печатается с разрешения Avon,
an imprint of HarperCollins Publishers,
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Любовь и гром : [роман] / Джоанна Линдсей ; [перевод с английского О. Косовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Лучший любовный роман).

ISBN 978-5-17-148226-8

Случайная встреча очаровательной английской аристократки Джослин Флеминг и мужественного Кольта Сандера, выросшего среди индейцев, казалась всего лишь капризом судьбы. Трудно было отыскать людей более несхожих. Но молодость и красота выше условностей. Точно молния обожгла сердца Джослин и Кольта неодолимая сила страсти. Влюбленным придется пережить многое, чтобы обрести наконец счастье в объятиях друг друга.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-148226-8

© Johanna Lindsey, 1998
© Перевод. О. Косова, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

Вайоминг, 1878 год

В тот летний день на ранчо Кэллена царила полная тишина, которую нарушал лишь зловеющий свист бича. На газоне перед домом собралось более полудюжины мужчин, но ни один из них не издавал ни звука, наблюдая, как Рэмси Пратт с ловкостью виртуоза орудует кнутом. Бывший погонщик волов (так зачастую называли перегонщиков скота), Пратт любил похвастаться своим мастерством. Он мог выбить револьвер из рук стрелка одним движением кисти или сбить муху с крупа лошади, не задев шкуры животного. В отличие от большинства мужчин, носивших на бедре револьвер, Пратт носил на ремне свернутый двенадцатифутовый бич. Но сегодняшнее выступление несколько отличалось от его обычных фокусов. На сей раз он срывал кончиком бича мясо со спины человека.

Рэмси действовал по указанию Уолтера Кэллена, но экзекуция доставляла ему истинное наслаждение. Не впервые ему предстояло запороть человека до смерти, и он знал, что получит при этом удовольствие, хотя здесь, в Вайоминге, никто не догадывался о его тайной страсти. Ему приходилось нелегко. Другим стоило лишь затеять перестрелку, чтобы убить кого-то. На это требовались секунды. А когда страсти утихнут, можно было заявить: стрелял, мол, с целью самообороны. Рэмси же сначала должен был обезоружить противника, а потом уже забить бичом до смерти. В такой ситуации едва ли кто поверит в историю о самообороне. Но сейчас он выполнял приказ хозяина, к тому же жертва — какой-то полукровка, до которого никому нет дела.

Рэмси орудовал не своим обычным бичом, который при каждом ударе вырывал сантиметровый кусок мяса. С такой штукой удовольствие надолго не растянешь. Кэллен предложил более короткий и тонкий хлыст для лошадей — им тоже можно превратить человеческую спину в фарш, только времени требуется больше. Рэмси решение хозяина только приветствовал. Этой штукой он мог работать без усталости целый час, а то и дольше.

Если бы Кэллен не столь разъярился, он, возможно, просто приказал бы пристрелить индейца. Но ему хотелось, прежде чем тот умрет, увидеть его мучения, услышать крики, и Рэмси охотно следовал пожеланиям хозяина.

Пока что он лишь играл со своей жертвой, пользуясь той же техникой, что и с бичом: срывал кусочек кожи здесь, кусочек там, не нанося сильных повреждений, но действуя так, чтобы каждая рана была болезненной.

До сих пор краснокожий не издал ни звука, даже не вздрогнул. Но он непременно подаст голос, когда Рэмси начнет действительно бить, а не щекотать. Торопиться некуда, разве что Кэллену надоест, и он велит прекратить. Но это вряд ли, судя по тому, насколько хозяин зол. Рэмси знал, каково было бы ему самому, выясни он вдруг, что человек, ухаживающий за его единственной дочерью, — паршивый метис. В течение нескольких месяцев из хозяина делали дурака, не говоря уж о самой Дженни Кэллен, судя по тому, как она выглядела, когда отец сообщил ей об этом факте. Девушка аж позеленела, будто проглотила что-то тухлое, и сейчас стояла на веранде рядом с отцом, кипия от ярости не меньше, чем папаша.

Скверное дело. Девушка-то действительно красotka. Но кто теперь захочет ее, когда история выплыла наружу и всем известно, кому она дарила свою благосклонность, кто дотрагивался до нее, и можно лишь догадываться, что еще с ней делал. Барышня разочарована не меньше отца, но кому могло прийти в голову, что близкий друг Саммерсов — наполовину индеец? Одевается он, как белый, говорит, как белый, волосы острижены короче, чем у многих белых, револьвер на бедре. Глядя на него, трудно догадаться о его происхождении, поскольку единственное, что

в нем есть от индейца, — прямые черные волосы и смуглая кожа, которая, по правде говоря, ненамного смуглее, чем у других работников ранчо.

Кэллены не узнали бы правды и по сей день, кабы не Дюран Лошадиная Челюсть. Дюрана уволили с ранчо «Скалистая долина», и он только вчера нарисовался у Кэллена. Он был в конюшне, когда Кольт Сандер, как называл себя метис, прискакал на мощном Аппалузе, сыне племенного жеребца миссис Саммерс. Естественно, Дюран поинтересовался у одного из людей, что здесь надо Сандеру, и, узнав, что тот вот уже три месяца отирается возле юбок мисс Дженни Кэллен, ушам своим не поверил. По своему прежнему месту работы он знал, что Кольт — близкий друг хозяина, Чейза Саммерса, и его жены Джессики. Ему было также известно, что Кольт — полукровка и еще три года назад был полноправным воином-шайеном. Хотя эти сведения, похоже, не выходили за пределы ранчо «Скалистая долина». До сегодняшнего дня.

Естественно, Дюран, не откладывая дела в долгий ящик, разыскал своего нового хозяина и поделился с ним информацией. Возможно, не присутствуя при этом еще три человека, Кэллен повел бы себя по-другому. Но, раз уж люди узнали о позоре дочери, он никак не мог оставить метиса в живых. Он собрал остальных работников, и когда Кольт Сандер вошел на веранду, чтобы встретить там юную Дженни и сопроводить ее на пикник, то увидел полдюжины револьверных стволов, направленных ему в живот. Вполне достаточно, чтобы удержать метиса от желания выхватить свой, который, впрочем, у него быстро отобрали.

Сандер был высоким мужчиной, крупнее, чем большинство из тех, кто его окружил. У людей, постоянно видевших Кольта на ранчо в течение последних месяцев, не было причин относиться к нему настороженно. Он охотно смеялся, шутил и производил впечатление спокойного человека. До сего момента. Теперь же не оставалось ни малейшего сомнения, что он воспитан северными шайеннами. Теми самыми, которые, объединившись с сиу, уничтожили два года назад в долине Литтл-Бигхорн,

в Монтане, армейский батальон подполковника Кастера численностью в двести человек. В мгновение ока Колт Сандер превратился в смертельно опасного воина-шайенна, чья природная дикость вырвалась наружу, внушая ужас цивилизованному человеку.

Едва обнаружив, что стрелять в него не собираются, он устроил им светопреставление. Потребовалось семь здоровых мужиков, общими усилиями сумевших привязать его к коновязи во дворе. Причем из этих семерых ни один не остался целым. Ссадины и расквашенные физиономии заранее пресекли все возможные протесты, которые могли у них возникнуть, когда Уолтер Кэллен приказал Рэмси взять хлыст, чтобы метис умирал долго. Услышав это, индеец даже бровью не повел. Он продолжал сохранять невозмутимость и тогда, когда его рубашка уже висела лохмотьями, а из ран, нанесенных ему Рэмси, сочилась кровь.

Он стоял прямо, прижавшись бедрами к пятифудовой металлической коновязи, с руками, привязанными к ее концам. Вербки специально не натянули, чтобы он мог рухнуть на колени — а он непременно рано или поздно сползет вниз, — но пока индеец стоял прямо, гордо подняв голову, и только вцепившиеся в перекладину пальцы свидетельствовали об испытываемой им боли. Или ярости.

Именно эта поза, чертовски гордая, навела Рэмси на мысль, что на сей раз все пойдет совсем не так, как раньше, когда его бич впивался в человеческую плоть. Оба мексиканца, которых он забил в Техасе, свалились после первых трех или четырех ударов. Старый золотоискатель, у которого Рэмси в Колорадо отнял золото и жизнь, начал вопить еще до того, как его тела коснулся бич. Но этот — индеец, или, во всяком случае, воспитан как индеец. Кажется, Рэмси что-то слышал о ритуале самоистязания, которому подвергают себя индейские воины северных прерий. Он готов был поспорить, что у этого метиса на спине или на груди имеются шрамы, остающиеся после такого ритуала, и только сильнее разозлился. Похоже, ему придется потратить много времени и порядком попотеть, чтобы вырвать у этого парня хоть один крик. Пора браться за дело всерьез.

Первый настоящий удар Рэмси был подобен раскаленному железу, которое прижали к спине метиса, выжигая на нем метку, с той лишь разницей, что не чувствовалось запаха паленого мяса.

Кольт Сандер не дрогнул ни единым мускулом. Он будет так держаться до тех пор, пока Дженни Кэллен стоит на веранде, глядя на происходящее с ним. Он пристально смотрел ей в глаза, такие же синие, как и у него, только темнее. Их цвет напоминает сапфир в кольце, которое носит Джесси. Джесси? Боже, она придет в ярость, когда узнает! Она всегда защищала его, особенно последние три года, с того самого момента, как он возник на пороге ее дома. И она из кожи вон лезла все это время, стараясь сделать из него белого человека. Она даже его самого заставила поверить, что из этой затеи выйдет толк. Ему следовало быть умнее.

Думай о ней... Нет, он может лишь представить, как Джесси будет плакать, когда увидит, что от него останется по окончании экзекуции. Дженни — вот на кого ему следует направить свои мысли.

Черт побери, сколько уже было ударов? Шесть? Семь?

Дженни. Прекрасная, златовласая и сладкая, как приготовленная Джесси домашняя конфетка. Ее отец осел в Вайоминге около года назад, когда закончилась война с индейцами и разгромленных сиу и шайеннов заперли в резервации. В самый тяжелый период войны Кольт вместе с Джессикой и Чейзом находился в Чикаго. Джесси тогда сделала все, чтобы он ни о чем не узнал, опасаясь его желания немедленно вернуться и сражаться за свой народ. Но он не стал бы этого делать. Его матери, сестры и младшего брата уже не было в живых. Через два месяца после того, как в 1875-м он покинул племя, их убили двое золотоискателей, направлявшихся к Черным Холмам. В семьдесят четвертом там обнаружили золото, с тех пор вся местность кишела старателями.

Золото в центре индейской территории! Это было началом конца. Индейцы всегда знали о нем. Но как только это стало известно белым, их уже ничто не могло остановить. И несмотря на то что золотоискатели, шастая по ин-

дейской территории, нарушали договор, в конечном счете именно на их защиту встала армия. А потом — последняя великая победа индейцев в Литтл-Бигхорн и неизбежный конец.

Мать Кольта, Широкая Река, предвидела такой поворот событий. Поэтому она и спровоцировала ссору между ним и его отчимом, Бегущим Волком, чтобы вынудить сына покинуть племя. Она отправила бы с ним и сестру, но Серая Птичка к тому времени уже вышла замуж.

Мать рассказала ему об этом позже, когда все уже было решено, и объяснила, почему так поступила. Тогда Кольт сильно разозлился на нее. Страхи за его будущее ничего не значили для молодого парня. Он только сознавал, что пришел конец прежней жизни. Но мать уже предчувствовала другой конец, конец всему, и поэтому подарила сыну новую жизнь, буквально выпихнув Кольта в нее.

Досадно было теперь убедиться в правоте матери, знать, что, доведись ему выжить во время войны, он оказался бы сейчас в резервации, как его отчим и младший брат. Если уцелели, конечно. Но еще обиднее избежать того унижения, чтобы получить нынешнее.

Двадцать пять? Тридцать? Впрочем, к чему считать?

Когда он приезжал сюда повидаться с Дженни, ему неоднократно доводилось наблюдать, как Рэмси Пратт управляет бичом. Этот человек гордился своим мастерством и теперь пользовался случаем в очередной раз продемонстрировать его окружающим, раз за разом опускал хлыст на одно и то же место до тех пор, пока не лопалась кожа. Он бил снова и снова, углубляя рану, и просто из жестокости, чтобы причинить как можно больше страданий.

Кольт знал, что Пратт может работать бичом без усталости. Здоровенный, как медведь, он действительно походил на медведя. Плоский нос, едва различимый на лице, косматая грива грязных темных волос до плеч, длинная борода и усы. Если уж кто и походил на дикаря, так это Пратт. И Кольт видел радостный блеск его глаз, когда ему велели взять хлыст. Приказ явно доставил ему удовольствие.

Пятьдесят пять? Шестьдесят? Почему он все еще пытается вести счет? Осталась ли еще кожа на спине? Действительно дело обстоит так, как ему кажется, или это благодаря мастерству Пратта такое впечатление, словно спина объята пламенем? Странно, что он вообще еще чувствует, хоть и еле-еле, как кровь стекает в сапоги.

Долго еще Дженни будет стоять здесь и смотреть на него с таким же каменным и жестоким лицом, как и у ее папаши? Неужели он действительно мечтал жениться на ней, купив ранчо на то золото — прощальный подарок матери, — которое, придя в «Скалистую долину», обнаружил в своих пожитках?

Он захотел Дженни сразу, как только ее увидел. Джесси посмеивалась над ним по этому поводу и побуждала к решительным действиям. Ей удалось вселить в него достаточно уверенности, и он не долго колебался.

Когда они с Дженни впервые встретились наедине, он обнаружил, что пользуется взаимностью, а меньше чем через месяц она подарила ему свою невинность. В ту ночь он просил ее выйти за него замуж, и с тех пор они строили планы на будущее, выжидая лишь подходящий момент, чтобы сказать ее отцу. Но старик и сам обо всем догадывался. Поскольку скот из «Скалистой долины» пасся неподалеку от границ ранчо Кэллена, Кольту не составляло труда три-четыре раза в неделю заезжать к Дженни и днем, и вечером. То, что Уолтер Кэллен знал о серьезности намерений Кольта, должно быть, лишь подлило сейчас масла в огонь его ярости. А уж о Дженни и говорить не приходится.

Кольт понимал, что ему следовало поведать девушке о своем происхождении. Сказать, что на самом деле его зовут Белый Гром, а идея назвать его Кольгом принадлежит Джессике. Но проблема в том, что Дженни ему все равно бы не поверила, приняв его исповедь за обыкновенный розыгрыш. Слишком хорошо Джесси над ним поработала. Теперь он чаще всего даже думает как белый.

Однако для Дженни он больше уже не белый. Когда началось истязание, он успел заметить ее бешенство, прежде чем она совладала с собой. Лицо девушки стало

каменным, как и у отца. Ни слез, ни воспоминаний о тех минутах, когда его руки и губы ласкали ее тело и как она умоляла его заняться с ней любовью всякий раз, стоило им остаться вдвоем. Теперь он для нее лишь грязный индеец, получивший по заслугам за то, что осмелился ухаживать за белой женщиной.

Ноги отказывались держать его. Перед глазами все плыло. Огонь, пожиривший спину, взорвался в мозгу. Он не понимал, как ему еще удастся сохранять вертикальное положение и невозмутимое выражение лица. А он-то полагал, что вынес ужасную боль во время ритуала «Танец Солнца»! По сравнению с тем, что происходит сейчас, это были просто детские шалости. А Дженни все не закрывает глаз и не отворачивается. Впрочем, с веранды ей не видна его спина. Не то чтобы это имело значение, и не важно, что он все еще смотрит ей в глаза. Все равно этого недостаточно, чтобы блокировать боль.

Уолтер Кэллен подал Рэмси знак остановиться, когда глаза Кольта закрылись и голова упала на грудь.

— Ты еще жив, парень?

Кольт не реагировал. Крик бился в голове, в горле и только и ждал, чтобы прорваться наружу. Но он скорее откусит себе язык, чем позволит ему вылететь. И это не яростная гордость индейца, решившего не издавать ни звука. Индейцы уважали белых, которые мужественно смотрели в лицо смерти. Но от этих людей он ничего подобного не ждал. Он молчал ради собственного спокойствия, чтобы сохранить уважение к самому себе.

Вопрос Кэллена разрушил царившую вокруг него тишину. Раздались удивленные возгласы ковбоев, пораженных, что он все еще стоит. Завязался спор: возможно ли удержаться на ногах, потеряв сознание? Кто-то предложил вылить ему на спину ведро воды, если он действительно отключился. Тут Кольт открыл глаза, достаточно ясно сознавая, что его самообладанию придет конец, если на истерзанную спину выльют воду. Поднять голову оказалось значительно труднее, но ему удалось и это.

— В жизни бы такому не поверил, не доведись увидеть собственными глазами, — сказал кто-то рядом с ним.

Свист хлыста возобновился, но на него никто уже не обращал внимания, кроме того, кто орудовал хлыстом, и того, кто получал удары.

— Я все еще не могу поверить, — бормотал голос позади Кольта. — Это же совершенно невозможная вещь!

— А чего ты ждал? Он ведь только получеловек, знаешь ли. Это вторая половина еще на ногах.

Рэмси отключился от голосов, сконцентрировавшись на том, чтобы бить теперь только по открытым ранам. Он был взбешен тем, что еще не сломал индейца, и его злость отрицательно сказывалась на точности попаданий. Чертов ублюдок не возьмет над ним верх, он не даст краснокожему умереть молча!

Рэмси озверел настолько, что, в отличие от остальных, не услышал вылетевших из-за дома всадников. Разом обернувшись, все увидели, что на них летят Чейз и Джессика Саммерсы с двадцатью ковбоями.

Если до Рэмси и донеслись какие-то звуки, он, должно быть, решил, что это вернулись с пастбищ остальные люди Кэллена, и не остановился. Он уже изготовился нанести очередной удар, когда Джесси Саммерс выхватила револьвер и выстрелила.

Пуля, которая должна была разнести Рэмси череп, просвистела у него над головой — в последний момент Саммерс успел отбить руку жены вверх. Но выстрел послужил сигналом к тому, что все люди, приехавшие с ранчо «Скалистая долина», выхватили ружья и револьверы. Команда Кэллена замерла на месте, не осмеливаясь даже вздохнуть.

До Уолтера Кэллена начало доходить, что он, кажется, допустил серьезную ошибку. Полукровку, конечно, надо было убить, но не привлекая к этому так много внимания.

Рэмси Пратт в ужасе уставился на оружие, нацеленное главным образом на него. Против такого количества стволов с хлыстом не попрешь. Даже с бичом.

Он осторожно опустил руку, и окровавленный хлыст красной змеей свернулся у его ног.

— Скотина! — заорала Джесси Саммерс на собственного мужа. — Зачем ты помешал мне? Зачем?

Прежде чем Чейз успел ответить, она прыгнула с коня и подбежала к коновязи, бесцеремонно расталкивая по дороге работников Кэллена, которые все еще не осмеливались без приказа сдвинуться с места. За все двадцать пять лет своей жизни она еще никогда не была так разъярена. Ни отец, ни мать, ни муж, с каждым из которых она время от времени ссорилась, не могли привести ее в то состояние, в котором она пребывала сейчас. Если бы Чейз не остановил ее, она бы выпустила всю обойму в работников Кэллена, а последнюю пулю — в самого хозяина.

Но когда Джесси приблизилась к Сандеру и увидела, что сотворил с его спиной хлыст, вся ее ярость мгновенно улетучилась. Молодая женщина со стоном перегнулась по полам, и ее вывернуло на залитую кровью землю.

Чейз немедленно подлетел к ней и обнял за плечи. Но смотрел он при этом на Сандера, и сам едва совладал с собственным желудком. Чейз давно воспринимал этого человека как друга, хотя Кольт всегда был ближе к Джесси. Джессика любила его как брата. Половину жизни их связывали особые отношения. Кольт всегда оказывался рядом, когда она нуждалась в помощи, и Джесси наверняка станет винить себя, что не успела приехать сюда вовремя. А Чейз был практически уверен: уже слишком поздно. Если Кольт и не умер еще от болевого шока, то наверняка умрет от потери крови.

— Не-е-ет! — рыдала теперь Джесси, вновь подняв голову и глядя на Сандера. — О Боже, Боже! Сделай же что-нибудь, Чейз!

— Я уже послал за доктором.

— Это слишком долго! Сделай что-нибудь сейчас! Ты должен сделать что-нибудь прямо сейчас. Останови кровь! Господи, почему его до сих пор не отвязали?!

Это не было вопросом. Джесси не отдавала себе отчета в том, что говорит. Почти в трансе она обошла коновязь. Так было уже лучше. Спереди Кольт выглядел вполне нормально, за исключением бледности, какой-то мертвой неподвижности и едва уловимого дыхания. Она боялась прикоснуться к нему. Ей хотелось обнять его, но она не

посмела. Любое прикосновение причинит ему боль, каждое движение будет пыткой.

— Господи, Белый Гром, что они с тобой сделали? — сквозь слезы прошептала она.

Кольт слышал ее. Он знал: она здесь, прямо перед ним, но глаз все же не открывал. Если он увидит боль на ее лице, то потеряет остатки самообладания. Его ужасала мысль, что она прикоснется к нему, но в то же время он безумно нуждался в ее нежности.

— Не... плачь...

— Нет, нет, я вовсе не плачу, — заверила его Джессика, хотя слезы непрерывным ручьем текли у нее по щекам. — Только ты не пытайся говорить, ладно? Я сама обо всем позабочусь. Даже убью Кэллена за тебя.

— Не... надо... никого... убивать...

— Ш-ш-ш, ладно, ладно, как скажешь, только теперь молчи.

И затем:

— Черт возьми, Чейз! Снимай быстрее эти веревки! Нужно срочно остановить кровотечение.

Когда Кольта развязали, он даже не пошевелился. Теперь перед ним стоял и Чейз, ласково объясняя:

— Джесси, солнышко, хлыст все время тащили по грязи. Его спину сначала нужно как следует промыть, если ты не хочешь, чтобы он умер от заражения крови.

Повисло тяжелое молчание. Кольт насторожился бы, не будь он уже и так напряжен до предела.

— Давай, Чейз, — спокойно проговорила Джесси.

— Господи, Джесси...

— Но ты должен, — настаивала она.

Все трое достаточно хорошо знали друг друга, и оба мужчины прекрасно поняли, что речь идет вовсе не об обработке ран или переносе Кольта в другое место. Кольт чуть было не вздохнул от облегчения. Наконец-то она подумала о чем-нибудь путном.

— Сперва нам нужен матрас и пара мужчин, которые будут поддерживать его, чтобы он не упал.

Джесси снова стала сама собой, раздавая приказы. Но когда она послала двоих человек в дом за матрасом, Уол-